

ИНФОРМОПЛАСТИКА: ПОТЕНЦИАЛ НОВОГО ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО КОНСТРУКТА

Статья опубликована в журнале: Δόξα / Докса. – 2013. – Вип. 1 (19). – С.28-44.

Термин *информопластика* проявился совершенно случайно в ходе весьма прагматичных продумываний того, как любое событие может получать различную информационную оформленность. Информация представилась некой *пластичной стихией*, легко поддающейся всевозможным трансформациям. Эти предварительные представления и были «схвачены» необычным термином *информопластика*.

Попытки тестирования современного информационного континуума на слово *информопластика* не дали никаких результатов, свидетельствуя о том, что ни русскому, ни украинскому языку еще неведом этот лингвогибрид. Англоязычные употребления схожих словосочетаний также являются достаточно случайными. И, тем не менее, вновьпроявленное лингвистическое образование настойчиво осуществляло внутреннюю работу, которая, в первую очередь, требовала возвращения к переосмыслению традиционных и, казалось, хорошо знакомых слов *пластика* и *информация*. Отчетливая целесообразность подобных лингвистических погружений разве что только предчувствовалась. Более осознанным стимулом была настойчиво звучащая мысль Эрвина Ласло о вхождении человечества в фазу *интенсивной эволюции*, после длительного периода переживания *эволюции экстенсивной* [4]. Эту мысль можно истолковывать различными способами, к примеру, размышляя о *глубинной эволюции слова*, о его «интенсивных» смысловых прорастаниях. Отмеченное и стимулировало движение к цели данного исследования – обнаружению смысловых наслоений, сформировавшихся со временем у терминов *пластика* и *информация* и выявление с учетом обнаруженного гносеологических возможностей нового терминологического конструкта – *информопластика*.

Своеобразным интеллектуальным фоном, стимулировавшим проведенные размышления, оказалась небольшая статья Жилья Делеза «Актуальное и виртуальное», которая была написана в 1996 году, практически, накануне смерти и опубликованная в небольшом сборнике "Жиль Делез. Клэр Парне. Диалоги" в качестве приложения. Еще один влияющий фактор, который оказывал несомненное воздействие – это лингво-философская установка или – своеобразная *философия языка* А.Ф.Лосева, развивавшаяся философом на протяжении всей его жизни и, вероятно, требующая еще многих специальных исследовательских прояснений.

Пластика

На первый взгляд, термин *пластика* кажется не более чем синонимом выражений *искусство скульптуры* или *балета*. Однако эта обнаруживающаяся синонимичность может вести к опасным огрублениям.

Как отмечается в словарях В.И.Даля, Д.Н.Ушакова, слово *пластика* происходит от греческого *platike*, что означает *ваяние*, и греческого *plasikos* – *формировать*. В современном употреблении это слово нотирует совокупность искусств, создающих объемные формы. У Даля отмечено, что *пластика* есть – «искусство изображать предметы в полном, круглом, толстом виде, ваянием или лепкою; применяется и к живописи, и даже к поэзии; живо, верно, округло, выпукло». Тем самым подчеркивается, что это слово отражает «жизненную полноту и круглоту» [1]. В словаре Д.Н.Ушакова вводится еще одно дополнительное значение: *пластика* – «искусство ритмических и грациозных движений человеческого тела, близкое к танцам» [10].

Некоторые семантические дополнения к термину *пластика* можно обнаружить в Советском энциклопедическом словаре. К сожалению, первое, на что обращает внимание соответствующая энциклопедическая статья, это подчеркнутая синонимичность терминов

пластика и *скульптура*: «пластика то же, что скульптура; в узком смысле - лепка скульптуры из пластичных, вязких материалов» [9, с.1007]. Вероятно, подобный семантический сдвиг, зафиксированный в этом словаре, является следствием учета значения слова *пластичность*, прокомментированного ранее в словаре Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона: «Пластичность – такое свойство твердых тел, которое дает возможность при посредстве давления давать им ту или другую форму, сохраняемую ими более или менее продолжительное, иногда даже неопределенно долгое время» [13]. Тем самым, *пластичность* толкуется как результат *давления извне* на *вязкие (пластичные)* материалы.

Еще один новый семантический тон, отмеченный в СЭС, это «эмоциональная художественная выразительность, гармония, изящество» [9, с.1007]. Пластичность оказалась связанной с *эмоциональностью*. Этот момент также окажется чрезвычайно полезным для последующего анализа.

В процессе постижения семантических развертываний термина *пластика* едва ли возможно обойти вниманием исследования А.Ф.Лосева, в которых слово *пластика* рассматривается в максимально широком семантическом контексте, ибо употребляется применительно к анализу естественной для себя культурной среды, а именно – культуры античности.

В «Истории античной эстетики, Ранняя классика» Лосев называет *античный космос* – «*пластически* сцепленным целым» [5, с. 59], «точнейшим образом настроенным и издающим определенного рода звуки инструментом». Русский философ утверждал, что «в Греции не было ни одной области культуры, где бы эта *пластичность* не была проявлена в той или иной мере» [5,с.59]. *Пластика* – «наглядная, простая, ясная оформленность» [5,с.59]. Алексей Федорович многократно отмечал глубинную связь *античной пластики* с живой социальной почвой, на которой эта пластика проявилась и которой так долго пропитывалась. Формообразующий импульс, по мнению Лосева, исходил именно из социальной среды. Лосев говорил о необходимости *методологической увязки* «античной пластики с античной рабовладельческой формацией». Однако при этом исключительно социальный, рациональный подход, с его точки зрения, не давал возможности глубинных прояснений: «совершенно неверно рассматривать греческую пластику, выдвигая на первый план только рациональную образность и не увязывая ее с моментами иррациональными» [5, с.60]. И, наконец, Лосев подчеркивал принципиальную *процессуальность* пластики: «Ведь чем глубже и разностороннее человеческое самосознание, тем оно менее удовлетворяется физическими вещами и телами, тем более стремится оно понять их в контексте целого мира, понять их как процесс, как движение, т.е. уже не как просто пластично-неподвижное, пластично-стационарное» [5, с.61].

Представленный спектр значений термина *пластика* дает возможность следующего перетолкования.

1. В первую очередь, необходимо провести строгое различие слов *пластика* и *скульптура*. Термин *скульптура* имеет более позднее латинское происхождение: латинское *sculptura* этимологически восходит к латинскому *sculpo* - вырезаю, высекаю и означает, как отмечается в словарях, вид изобразительного искусства, произведения которого имеют объемную, трехмерную форму. Сравнивая греческое *platike* (ваяние) и латинское *sculpo* (вырезаю, высекаю) совершенно очевидно, что латинский термин имеет более узкое значение, предполагающее обработку *достаточно твердых материалов* вполне определенным способом – *вырезания, высекания*. Слово *ваять* обозначает значительно более широкий набор практик. Тем самым вполне понятно, что, к примеру, словосочетание *античная пластика* никак не может быть заменено значительно более узким выражением *античная скульптура*. Однако сам факт существования термина *скульптура* дает возможность более глубокого понимания *пластики* как таковой.

Ваяние лучше всего представить на примере работы с глиной: это не только *добавление* и *отнятие* (изъятие) материала с целью воплощения сотворяемой формы, но и *вырезание*. Практику *вырезания* можно истолковывать двояко: с одной стороны, как

вырезание с целью удаления лишнего, с другой, наоборот - *вырезания значимого*, того, что подлежит сохранению (эта операция оказалась чрезвычайно популярной в современную «эпоху **перепостов**», когда *коллективный человек* становится непрерывно вырезающим «скульптором», сохраняющим и умножающим в пространстве и во времени ту информацию, которая, с его точки зрения, является важной). Что же касается практик *высекания*, то это «*предельная*» по своей напряженности работа с твердым материалом вплоть до высекания огня (образа), искры. Таким образом, слова *пластика* и *скульптура* целесообразно рассматривать в их различии и единстве.

2. *Пластика* это **искусство**, дающее возможность рядоположения объектов *реального мира* и *возможной, воображаемой реальности*, которая существует только потенциально, в воображении, как *прообраз* мира, потенциально направляющий его развития. Пластика, как и любое искусство, является результатом творческой переработки человеком восприятий окружающего мира. Эта переработка становится возможной благодаря своеобразной пропитанности (наполненности) человека **Законом**, законами красоты, гармонии. В этой связи очень понятным кажется название великого труда А.Ф.Лосева – «История античной эстетики». Эстетическое начало предопределяет пластику, поэтому историю античной *пластики* как бы «направляет» история античной *эстетики*.

Соотнесение терминов *пластика* и *искусство* как двух вербальных феноменов содержит в себе серьезную методологическую проблему: слова принадлежат принципиально разным языкам, что, несомненно, должно учитываться в ходе подобных соотнесений. Однако, не погружаясь в этом тексте в преодоление отмеченных сложностей, важно лишь уточнить, что в данном случае слово *искусство* берется в самом широком его значении, близком греческому *техне* (*téchne*), обозначающему любую идейно осмысленную, модельно-порождающую, целесообразную деятельность (см. статью В.И. Толстых в «Новой философской энциклопедии» [7]). **Пластика же – это искусство выявления Закона** в его максимально возможной для данных культурных условий полноте.

3. В отличие от *искусства*, которое в своем историческом развитии разделилось на множество видов, *пластика* являет собой нечто неразделимое, **цельное** («искусство изображать предметы в *полном* виде» (В. Даль), «целое – значит оформленное, содержащее полную меру чего-либо». Именно поэтому Лосев говорит именно о **пластике античного мира**. *Целостность мира* постигается в его пластике, в пластике выражается, актуализируется соответствующий **Закон**. **Пластика – искусство актуализации целого путем выявления его Закона**

4. *Пластика* есть постигаемая *процессуальность* и об этом А.Ф.Лосев говорит совершенно открыто: «ведь чем глубже и разностороннее человеческое самосознание, тем оно менее удовлетворяется физическими вещами и телами, тем более стремится оно понять их в контексте целого мира, понять их как *процесс*, как *движение*, т.е. уже не как просто пластично-неподвижное, пластично-стационарное» [5, с. 61]. Стремление к пониманию *целого* в его развитии предполагает обращение к *процессуальности*.

Чрезвычайно интересной в этой связи кажется мысль Лосева об именовании античного **космоса** – «**пластически сцепленным целым**». Космос предстает результатом *ваяния (пластики)*, но это такое ваяние, в ходе которого создается **сцепленное целое**. Некоторая интрига появляется в попытках понять появление в отмеченном выражении слова *сцепленное*. Быть может, *сцепленность* подчеркивает *искусственную (небожественную, вторично-человеческую)* природу *пластики космоса, сцепленное целое* это не *единое*. А может, «сцепленность» это результат *бого-человеческих* усилий, результат их синархического *взаимо-со-действия*, взаимной *со-настройки*? Возможен и третий вариант толкования *сцепленности* как *сопряженности*, конгруэнтности, вписанности в соответствующую *мерность*, освоение этой мерности. Предметы, изображенные «верно, округло, выпукло», это предметы, понятые и представленные в соответствии с мерностью окружающего мира. Однако эта мерность не является единственной. И тогда

обнаруживается не совсем обычная пластика, подтверждающая факт существования реальностей иных мерностей, факт возможности сопряжения разномерностных миров, фактически – *многомерное (многомировое)* существование. Вероятно, именно это сложное проявление было отражено в первых образцах эклектики. В любом случае, выражение «*пластически сцепленное целое*» может быть также весьма полезным в дальнейшем осмыслении *информопластики*.

Однако термин *пластика* в его столь широком употреблении, вскрытом А.Ф.Лесевым, к сожалению, не закрепилось в современном интеллектуальном континууме. Для характеристики последующих этапов культурного развития исследователи все чаще стали использовать (с легкой руки Т.Куна) греческое слово *парадигма* (греческое *παράδειγμα* – означает *пример, модель, образец*). Сегодня говорят об *античной, средневековой, нововременной ...парадигмах*. Однако элементарное рассмотрение терминологической пары *пластика* и *парадигма* свидетельствует о том, что первое слово фиксирует внимание на *процессах*, вскрывающих, позволяющих обнаружить Закон, управляющий этими процессами, что же касается слова *парадигма*, то оно отмечает уже сложившиеся готовые *формы*. Вероятно, именно поэтому Т.Куну для расширения исследовательских возможностей используемого им термина пришлось вести словосочетание *смена парадигм*, позволяющее изучать *динамические подвижки*, обнаруживающиеся в науке. Анализ *пластики* не только оказывается значительно более сложным, чем исследования *парадигмы*, но и требует *мировой определенности*, позволяющей зафиксировать мерность мировой целостности, что возможно только в результате проведения широкого культурологического анализа. Средневековая Европа, к примеру, это уже не один мир, не одна мерность, а некий *многомерный (многомировой)* культурный конгломерат.

Указанные усложняющие причины привели к тому, что термин *пластика*, в определенной мере, утратил свой исследовательский потенциал, оказался менее востребованным и сохранил существование в более узком значении (*пластические искусства*), что и привело, в конечном итоге, к образованию уже упоминаемой выше синонимии *пластики* и *скульптуры* (СЭС).

Итак, *Пластика* – это *искусство*, выявляющее *Закон целого* в его *процессуальности*.

5. *Пластика* – это еще и актуализация возможностей ракурса *телесности*: пластика – «искусство ритмических и грациозных движений человеческого тела, близкое к танцам» (словарь Д.Н.Ушакова). В современном языке словосочетание *пластика тела* кажется абсолютно понятным и, более того, проясняющим само представление о пластическом. Что же касается античной эстетики, то А.Ф.Лосев отмечал следующее: «отвлекаясь от углубления в субъективную психологию, античная литература обращала пристальное внимание на материальный и телесный мир и рисовала его в максимально красивом и благоустроенном виде» [6, с.471-472]. *Благоустроенная телесность* античности иногда, к сожалению, толкуется как следствие некой *духовной* ограниченности греков, не ведавших христианского учения. Однако, так ли это? Не является ли подобная точка зрения своеобразным культурным флером, сложившимся во времена средневековья и просуществовавшим до настоящих времен? В античной эстетике человеческое тело – *культурносамодостаточное целое*, а античный культ спорта это не просто культ *пластики телесного*, но и культ *полноты целого*. При этом не следует забывать, что тело являетсяместилищем жизни. Через *тело жизнь* являет себя. Пластика – это *встраивание* и *выстраивание жизни*. Со-творение согласно обнаруживаемому эстетическому началу и есть сама жизнь в ее *пластическом участии*.

Итоговая формула, выражающая глубинную суть пластики, может выглядеть следующим образом:

пластика – это *искусство*, выявляющее *Закон жизни целого* в его *процессуальной телесности*.

Полученная формула проясняет многочисленные утверждения Лосева о том, что понять античную пластику можно только в контексте понимания античной рабовладельческой формации. Марксова установка на социально-экономическую обусловленность макрокультурных проявлений в самом широком плане может быть представлена как своеобразный *аргумент телесности*

6. Еще один важный сугево́й аспект *пластики* связан с необходимостью расширения *рационального* подхода для всестороннего *пластического освоения мира*. В СЭС приводится достаточно упрощенная формулировка: пластика – «эмоциональная художественная выразительность, гармония, изящество». А.Ф.Лосев, как уже отмечалось выше, об этом говорил иначе: «совершенно неверно рассматривать греческую пластику, выдвигая на первый план только рациональную образность и не увязывая ее с моментами иррациональными». Понимание пластики невозможно исключительно *рациональным* путем. Но недостаточным является и подчеркивание только *эмоционального* начала. Постигание пластики требует подключение более широких регистров освоения реальности. Отмеченное является основанием для появления более расширенной формулы, а именно:

пластика это процесс преобразования целого этически и эстетически одаренным человечеством, всесторонне осваивающим мир согласно внутренне обнаруживаемому Закону. Представленную формулу можно рассматривать как некоторое приближение, проясняющее внутреннюю суть термина *пластика*.

Информация

Для проявления возможностей терминологического конструкта *информопластика*, который был представлен в самом начале текста, необходимо теперь обратить внимание на первый элемент кентаврической пары.

К сожалению, исследование семантического поля термина *информация* кажется задачей трудновыполнимой, в первую очередь, из-за обилия текстов, написанных по этому поводу в контексте совершенно разных исследовательских задач и установок. Поэтому к прояснению сути термина можно попытаться подступить традиционным и достаточно надежным путем, продумыванием его *этимологической* природы.

Как отмечается в этимологическом словаре М. Фасмера, в русском языке слово *информация* появилось во времена Петра I и было заимствовано из языка польского (польское слово *Informacja*) [14].

Перевод латинского слова ***informatio*** на русский язык дает несколько возможных направлений для толкования: *разъяснение* (1), *изложение*(2), *осведомлённость*(3), *представление*(4), *понятие о чем-либо*(5).

Если же, изучая происхождение слова, учесть латинский термин ***informare***, то добавляются следующие значения: *придавать вид, форму*(6); *обучать*(7); *мыслить*(8), *воображать*(9).

И, наконец, в происхождении слова *информация* отчетливо обнаруживается следующая конструктивная схема:

Informatio, informare, in-forma: in- «в» + forma – *форма, вид*(10).

При исследовании семантических проявленностей того или иного термина возможно применение *многомерного подхода*, в соответствии с которыми каждое относительно независимое значение термина фиксирует ту или иную мерность его многомерной явленности.

1. *Информация* – ***in-forma*** (10). Элементарное осмысление словосочетания *in forma* сразу обнаруживает несколько путей для анализа.

1.1. *Информация* – это *вхождение* чего-либо в готовую *форму*. Но если информация это *вхождение*, тогда информация есть *процесс*. *Процессуальность* информации, на первый взгляд, кажется не очень понятной, особенно с учетом сложившихся традиционных толкований информации как *осведомлённости*(3), *представления*(4), *понятия о чем-либо*(5). Однако подобные способы понимания термина

вполне допустимо считать результатом особенностей его функционирования, связанных с направленностью на постижение **ставшего**. *Ставшее* фиксируется совершенно особым «статичным восприятием» чего-либо путем его изъятия из естественной среды процессуального развертывания.

Усвоение же **вхождения** чего-либо в готовую *форму* предполагает развития *восприятия процессуального*.

1.2 Если информация – это **вхождение чего-либо** в готовую *форму*, то можно предположить что, к примеру, *выливание чая в стакан* (представляющий собой форму) или любые иные формообразующие «отливания» также является информацией, однако отмеченное противоречит существующим нормам словоупотребления.

При продумывании вопроса о природе информации очень важно понять, **что** же **именно** отливается в форму, оформляется. Пожалуй, это одна из тех проблем (загадок), которая до настоящего времени обсуждалась менее всего.

Единица информации позволяет определять количество информации в том или ином сообщении. Для измерения информации используется **число**. Однако использование числа в качестве измерителя информации вовсе не означает, что информация сама по себе *есть число*. Тем более, что число выступает в качестве *универсального измерителя*, имеющего свою, особую природу. Что же касается природы самой информации, то к обсуждению этой темы можно подойти, внимательно присматриваясь к особенностям ее измерения.

Единица информации дает возможность осуществления самого элементарного различения и это различие символически обнаруживает себя с помощью двух числовых символов – *нуля* и *единицы* (отсюда и происходит название единицы информации – *бита* (англ. binary digit — двоичное число). Самая элементарная информация – это **актуализация проявленности** (1) – обнаружение существования того, что было *непроявлено* (0). Именно поэтому вполне естественно предположить существование некой *протоинформационной среды*, являющей собой сложное смешение *потенциальностей* или *виртуальных явленностей* (в выборе термина **виртуальный** мы солидаризируемся со способом противопоставления *виртуального* *возможному*, представленном в уже упоминаемой работе Ж. Делеза [2]). Понятно, что протоинформационная среда, о которой идет речь, не имеет числовой природы. Цифры 0 и 1, которыми обычно маркируются, соответственно, *потенциальное* и *актуальное*, выполняют роль неких «числовых метафор», которые, в определенной мере, спутывают, затрудняют понимание истинной природы информации (здесь вполне естественно вспомнить вывод о «затемняющей роли» метафор, сделанный известными исследователями метафор Дж. Лакоффом и М.Джонсоном [3]). Числовые символы 0 и 1 активируют представления о *потенциальном* и *актуальном* (*непроявленном* и *проявленном*), но ничего не говорят о природе этого потенциального.

Информер. Три уровня проявления информации

Отмеченный уровень «схватывания» информации в числовых символах (0) и (1) достаточно естественно назвать **первым** вхождением информации в форму, первой стадией информационного проявления, на которой актуализация уже осуществлена, но на языке более высокого (абстрактного) уровня, требующий понижающих интерпретаций. Поэтому следующий этап информационного развертывания связан со своеобразным «отливанием» информации в более привычные *готовые формы* (отдельные слова, связки слов,... тех или иных языков). И первый, и второй этапы схватывания информации осуществляются *информером*.

К сожалению, введенный термин может вызвать некоторые механические ассоциации в связи с созвучием слову *трансформер*. Поэтому изначально важно подчеркнуть: *информер* – это не машина, бесконечно тиражирующая, бездумно смешивающая уже готовые формы языка, это – *поэтически мыслящий человек*, сопричастный процессам *информопластики*, творящий, выявляющий все новые этические и эстетические каноны, напряжением всех своих чувств соорганизовывающийся с *протоинформационной средой*. Конечно же, *информер* – это ЧЕЛОВЕК, но человек,

прошедший трансформацию, в первую очередь, *этическую*, переживший смену ценностных ориентиров и сумевший от *механической рациональности* прорасти к *рациональности поэтической* (греческое *ποίησις* – *творчество, сотворение*). Без участия ЧЕЛОВЕКА информация может только копироваться, тиражироваться, сохраняться, перемешиваться, уничтожаться. К примеру, перемешиванием (смешиванием) и частичным уничтожением информации занимаются *компьютерные вирусы* – порождения машинного интеллекта. Уникальность человека как *ин-формера* состоит в том, что именно он «отливает», оформляет информацию путем взаимодействия с протоинформационной средой с одной стороны, и, с другой – путем переливания информации в формы того или иного языка. Фактически первой, самой *уникальной формой* предстает сам *информер*, действующий согласно внутренне обнаруживаемому *Закону*. Информер – мастер *информопластики*. Его со-творчество состоит в сонастройке *внутреннего* и *внешнего* законов ¹.

Информопластика направлена на выявление *Закона* внешнего. Этот закон никогда не может быть полностью развернут, (ибо сам факт его обнаружения ведет к его же изменениям). Предчувствия Закона *индивидуально рассеяны* во множестве законов внутренних, которые просвечиваются (высвечиваются) в результатах *информопластических* усилий. Внешний Закон обнаруживается исключительно как итог *взаимосогласованных действий* множества информеров, подобно тому, как в пластике античного мира высвечивает себя античная эстетика.

Мысль о существовании информации без участия человека является упрощенным пониманием ее глубинной природы. Очевидным огрублением следует считать и мысль о том, что *информер* – это **отдельный** человек, **индивидуальный** субъект интеллектуальных практик. Вероятно, одна из главных этических трансформаций, которую современному человеку необходимо пережить, для того, чтобы дорасти до активации модуса информера, связана с пониманием его принципиально *коллективной природы*. Хотя, в настоящее время и складывается впечатление, что для удовлетворения своих самых элементарных нужд человеку вовсе не обязательно объединяться с себе подобными (это заключение отражено, к примеру, в обнаруживаемом эффекте *социальной атомизации*). Выявление ИНФОРМАЦИИ происходит в результате активности *коллективного субъекта*. Коллективность предопределена самим фактом сопричастия языку, общему информационному полю. *Информер* – это своеобразный *кентавр*, объединяющий одновременно *коллективного* и *индивидуального* субъектов. Достаточно очевидно, что эта тема требует специального более глубокого обсуждения, которое вполне естественно вести в рамках складывающегося нового дисциплинарного направления, именуемого *информационной антропологией* ².

¹ Тема соотношения внутреннего и внешнего закона, на первый взгляд, имеет очевидное созвучие с давними спорами лингвистов о *внешней* и *внутренней формах языка* (традиция, идущая от В.Гумбольдта, В. Проппа.. Подробно освещение истории развития соответствующих лингвистических полемик содержится в монографии [11]). Однако *форму*, совершенно очевидно, никак нельзя отождествлять с *законом*, имеющим принципиально иной онтологический *статус*. И, тем не менее, вполне естественно допустить существование определенного созвучия в развитии обозначенных тем.

² Новое направление исследований, именуемое *информационная антропология*, обсуждается в небольшой обзорной статье российской исследовательницы Ю.В.Шичаниной [12], которая замечает, что этот термин сегодня еще не является общепризнанным. Возник он в условиях всеохватывающей междисциплинарности на стыке *информатики* и *антропологии*. Новое направление связано с актуализацией ряда новых ключевых терминов, к которым, вполне естественно отнести и слова *информопластика*, *информер*, *поэтическая рациональность*. В рамках этого направления достаточно эффективным видится и дальнейшее переосмысления категории информации. *Информационную антропологию* не следует спутывать с исследованиями *информационного общества*, осуществляемыми в духе иной – индустриальной, модернистской парадигмы, с соответствующим акцентом на проблемах социо-технических средств, обеспечивающих процессы информатизации.

Возвращаясь к осмыслению процессов, происходящих на **втором** уровне проявления информации, возникает вполне естественный вопрос: после того, как информация оказалась оформленной с помощью тех или иных языков, чем же она стала – *разъяснением* (1), *изложением* (2), *осведомлённостью* (3), *представлением* (4), *понятием о чем-либо* (5)? На первый взгляд, вроде бы, так, но тогда информация «остановлена» как процесс. Изначально *живое, непрерывное* входит в фазу дискретного существования в виде множества «слепков», материализующих информационные отложения («информационные породы»). Тем самым, информация как бы перестает быть ИНФОРМАЦИЕЙ, понимаемой как **процесс** *вхождения непрявленного в формы*, характеризуемый такими значениями слова, как *придавать вид, форму* (6); *мыслить* (8), *воображать* (9). Процессуальность информации еще больше уходит на второй план на **третьем уровне** ее освоения, который можно назвать *присвоением* (отбором) человеком циркулирующих в культуре информационных слепков. Этот отбор происходит по *образу и подобию*: из *информационного поля* притягивается то, что формирует то или иное *информационное своеобразие* («информационный лик»). При этом целостное «информационное поле»³ – фрагментируется, заменяясь множеством «усеченных» локальных полевых образований, от которых уже один шаг до достаточно жесткого *информационного кокона*, складывающегося вокруг человека, и, отчасти, притупляющего его информационную чувствительность, творческие возможности *информера*, способности к поэтической рациональности. На этом этапе ЧЕЛОВЕК-информер имеет все шансы превратиться просто в *информационную машину* (куклу в руках кукловода, которую можно всячески кодировать, перекодировать с помощью существующей системы культурных символов⁴). Информационные машины едва ли можно именовать ЧЕЛОВЕКОМ, ибо они теряют главное: доступ ко внутреннему источнику распознавания Закона, именно поэтому их и подчиняют Закону внешнему.

Освоение каждого из зафиксированных уровней проявления информации представляет собой чрезвычайно интересное направление для будущих исследований.

Информопластика

Если теперь попытаться совместить все сказанное о *пластике* и *информации*, то получается следующее. Информопластику можно понимать как *творческую (поэтическую, автопоэтическую) деятельность информера по выявлению информации путем обнаружения Закона жизни целого в его всеобъемлющей процессуальной телесности*. Громоздкость итоговой формулы требует специальных сжатий (*компактификаций*), позволяющих упростить сказанное. Естественно, что при подобных упрощениях весьма вероятна потеря важных смыслов, но цена подобной потери – относительно большая ясность.

Информопластика возникает как результат попыток сопричастия *информера* **протоинформационной среде**. Понятно, что пока словам *протоинформационная среда* маркируется *нечто* весьма туманное, но это то *нечто*, к освоению которого, видится, уже доросло человечество. Уже сейчас важно заметить два момента. Первый: протоинформационная среда – это не внешняя информационная среда, возникающая в результате самоорганизационных процессов. Момент второй: складывается предчувствие (предпонимание) того, что протоинформационная среда, как уже отмечалось, близка делезовским размышлениям о *слоях виртуального* [2].

³ Этот термин также требует перетолкования в рамках информационной антропологии

⁴ Культурный символ можно рассматривать как своеобразный *информационный аттрактор*, осуществляющий смысловую перекодировку того информационного фрагмента, в который данный символ оказывается помещенным. В культурных символах следует различать группу *архетипических символов*, действующих на подсознательном уровне и не требующих для своего осознания специальной культурной «символической» подготовки. Сознательное включение в информационное сообщение архетипических символов с целью его трансформации (перекодировки) можно считать, условно, четвертым уровнем оформления информации.

Информопластические интуиции доступны исключительно информеру. Термином **информер** фиксируется особый модус разворачивания человека. Этот модус активируется в связи со смещением акцентов от обычной – к поэтической рациональности, от доминирования индивидуального или коллективного начал – к их *объединению* без нивелирования. Информер поэтически тонко осваивает язык, сонастраиваясь с коллективным, и, одновременно, глубоко погружаясь в поиски внутреннего истока, позволяющего организовывать внешнее и внутреннее.

Информопластика – это, конечно же, творчество во всей его полноте, творчество коллективно-индивидуального субъекта – *информера*. При таком подходе появляется возможность снятия изматывающего противоречия средневековой и возрожденческой установок по поводу творческого процесса. Творчество одновременно *индивидуально* и *надиндивидуально*. К сожалению, понимание и более точное выражение отмеченного затруднено культурным доминированием двух визуальных образов: первый – фреска Микельанджело «Сотворение Адама», второй – литография Маурица Эшера «Рисующие руки». Первый образ легитимирован всей историей европейской христианской культуры, второй – весьма авторитетным в XX веке научным сообществом, солидаризировавшимся с Эдгаром Мореном, а с ним – и со всей традицией исследования *сложного*. Именно Морен впервые обратил внимание на точность визуального образа Эшера. Однако, в настоящее время складывается ощущение, что отмеченные визуальные доминанты «сбивают» современное сознание, не позволяя осуществить более точную подстройку к природе осваиваемого. Еще недавно слово *аутопоэзис* (странный лингвогибрид, вокруг которого сформировалась теория аутопозиса,) казалось спасительно точным, сегодня же предчувствуется необходимость поиска более точных лингвистических конструкций. Одной из них и может оказаться термин *информопластика*. Однако его реальный гносеологический потенциал может быть определен только со временем.

Заключение

С учетом того, что каждый принципиальный фрагмент представленной работы заключался достаточно компактными выводами, то в композиции итоговых результатов проведенного исследования позволительно сделать некоторое смещение уже расставленных акцентов.

1. Анализ закрепившихся в языке смысловых наслоений терминов *пластика* и *информация* позволяет заключить следующее.

Слово **пластика** активирует эстетический регистр любого исследования. *Пластика* – это *искусство*, с помощью которого происходит обнаружение *внешнего Закона, Закона жизни целого*. Этот Закон *процессуален* и именно эту *процессуальную текучесть* очень точно схватывает термин *пластика*. Внешний Закон нельзя выявить раз и навсегда. Будучи обнаруживаемым в своей *процессуальной телесности*, он стимулирует изменения, способствующие актуализации его новых глубин (именно по этой причине вполне естественно предположить, что *античная эстетика* будет развиваться до тех пор, пока исследователи продолжают исследовать античность. Античную эстетику (равно как и эстетику средневековья, возрождения, нового времени, модерна, постмодерна...) точнее мыслить не как *ставшую*, а как *становящуюся*.

Искусство пластики доступно *эстетически* одаренному человечеству, *всесторонне (многомерно)* осваивающему мир в согласии со внутренне обнаруживаемым *Законом*.

Элементарный подход к прояснению смыслов слова **информация** позволяет заметить, что в современном русском языке закрепилось, как минимум, два достаточно различных способа его толкования: 1) информация как *процесс* *вхождения в форму* (*придавать вид, форму*(6); *обучать*(7); *мыслить*(8), *воображать*(9)); 2) информации как **результат оформления** – *разъяснение* (1), *изложение*(2), *осведомленность*(3), *представление* (4), *понятие о чем-либо*(5). Второй способ прояснения термина *информация* связан с ее пониманием как достаточно устойчивых *следов* *процесса вхождения в форму*, циркулирующих в культуре (своеобразных *информационных отложений*), выступающих в

роли возможных *проявляющих агентов*. Таким образом, информацию можно рассматривать в единстве ее *творящей* и *сотворенной* ипостасей. Оба плана значений термина тесно взаимосвязаны, что очень важно учитывать в ходе практических словоупотреблений.

2. Информация выявляется **информером** – одновременно *коллективным* и *индивидуальным* субъектом, творчески отливающим свои *протоинформационные* интуиции в существующие формы языка. Информер – это не только ЧЕЛОВЕК, являющийся носителем *коллективной этики*, но человек, осваивающий возможности *поэтической рациональности*.

3. Освоение новых семантических слоев терминов *пластика* и *информация* позволяет допустить целесообразность существования лингвогибрида, именуемого *информопластикой*. Этим термином подчеркивается совершенно особая *эстетическая природа информации*, обнаруживаемая *эстетически одаренным ЧЕЛОВЕКОМ*, обладающим *информопластической интуицией*.

Вполне вероятно, что именно *информопластическими интуициями* проявляет себя поэтическая рациональность, стимулирующая возникновение, в первую очередь, неожиданных лингвистических решений, взламывающих сложившиеся традиции словоупотреблений. Информопластика заключается в выявлении *информопластических конструкторов*, к каковым естественно отнести и лингвогибриды. Информопластика весьма близка и, в тоже время, существенно отлична от *терминологической инноватики*, которую можно понимать как осознанно выбираемую установку на употребление креативных терминологических конструкторов. Тем самым терминологическая инноватика играет некоторую вторичную роль. Что же касается информопластики, то это принципиально творческая, поэтическая деятельность, в ходе которой происходит *выявление законов жизни целого*.

Список использованной литературы

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – Спб., 1863-1866. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://slovardalja.net>.
2. Делез Ж. Актуальное и виртуальное. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://yngo.at.ua/_ld/1/181_Biblioteka_Elen.html.
3. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / Пер с англ. под ред. и с предисл. А.Н.Баранова. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 256 с.
4. Ласло Э. Макросдвиг (К устойчивости мира курсом перемен) / Э. Ласло; [пер. с англ. Ю. А. Данилова]. – М.: Тайдекс Ко, 2004. – 208 с.
5. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Ранняя классика / Вступ. ст. А.А. Тахо-Годи. – М.: ООО «Издательство АСТ»; Харьков: Фолио, 2000. – 624 с. – (Вершины человеческой мысли).
6. Лосев А.Ф. Двенадцать тезисов об античной культуре / А.Ф. Лосев, А.А. Тахо-Годи и др. Античная литература: Учебник для высшей школы под ред. А.А. Тахо-Годи. – 5-е изд., дораб. – М.: ЧеРо, 1997. – 543 с.
7. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://iph.ras.ru/enc.htm>
8. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 2000. – 940 с.
9. Советский энциклопедический словарь / [гл. ред. А. М. Прохоров]. – [3-е изд.]. – М.: Советская энциклопедия, 1984. – 1600 с.
10. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 1. – М., 1935; Т. 2. – М., 1938; Т. 3. – М., 1939; Т. 4. – М., 1940. (Переиздавался в 1947-1948 гг.); Репринтное издание: – М., 1995; – М., 2000. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ushdict.narod.ru/>

11. Фещенко В.В., Коваль О.В. Сотворение знака. Очерки по лингвоэстетике и семиотике искусства. – М.: Языки славянских культур, 2014. – 640 с.
12. Шичанина Ю.В. Основные тенденции информационной антропологии // Спектр антропологических учений. Вып. 3 [Текст] Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. Ред. П.С. Гуревич. – М.: ИФРАН, 2010. – С.114 – 130.
13. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона (1890-1907). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikisource.org/wiki/Энциклопедический_словарь_Брокгауза_и_Ефрона.
14. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / авт.-сост. М. Фасмер; пер. с нем. и доп. чл. кор. АН СССР О. Н. Трубачёва, под ред. и с предисл. проф. Б. А. Ларина [т. I]. – Изд. 2-е, стер. – М.: Прогресс, 1986–1987.

REFERENCES

1. Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: V 4 [Explanatory Dictionary of the Live Great Russian Language: V 4]. – Spb., 1863-1866 [Elektronnyj resurs]. – Regime to access: <http://slovardalja.net>.
2. Delez Zh. Aktual'noe i virtual'noe [Actual and virtual] [Elektronnyj resurs]. – Regime to access: http://yngo.at.ua/_ld/1/181_Biblioteka_Elen.html.
3. Lakoff Dzh., Dzhonson M. Metafori, kotorymi my zhivem [Metaphors We Live By] / Per. s angl. pod red. i s predisl. A.N. Baranova. – M.: Izdatel'stvo LKI, 2008. – 256 p.
4. Laslo E. Makrosdvig (K ustojchivosti mira kursom peremen) [Macroshift: Navigating the Transformation to a Sustainable World] / EH. Laslo; [per. s angl. YU. A. Danilova]. – M.: Tajdeks Ko, 2004. – 208 p.
5. Losev A.F. Istoriya antichnoj ehstetiki. Rannyya klassika [History of ancient aesthetics. Earliest classics] / Vstup. st. A.A. Taho-Godi. – M.: ООО «Izdatel'stvo ACT»; Har'kov: Folio, 2000. – 624 p. – (Vershiny chelovecheskoj mysli).
6. Losev A.F. Dvenadcat' tezisov ob antichnoj kul'ture [Twelve theses on the ancient culture] / A.F. Losev, A.A. Taho-Godi i dr. Antichnaya literatura: Uchebnik dlya vysshej shkoly pod red. A.A. Taho-Godi. – 5-e izd., dorab. – M.: CHeRo, 1997. – 543 p.
7. Novaya filosofskaya ehnciklopediya [New Encyclopedia of Philosophy]: v 4 t. / In-t filosofii RAN. [EHlektronnyj resurs]. – Regime to access: <http://iph.ras.ru/enc.htm>.
8. Ozhegov S. I., SHvedova N. YU. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenij [Explanatory dictionary of Russian language: 80 000 words and phraseological expressions]. – 4-e izd., dop. – M.: Azbukovnik, 2000. – 940 p.
9. Sovetskij ehnciklopedicheskij slovar' [Soviet Encyclopedic Dictionary] / [gl. red. A. M. Prohorov]. – [3-e izd.]. – M.: Sovetskaya ehnciklopediya, 1984. – 1600 p.
10. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka [Explanatory Dictionary of Russian Language]: V 4. / Pod red. D. N. Ushakova. V. 1. – M., 1935; V. 2. – M., 1938; V. 3. – M., 1939; V. 4. – M., 1940. (Pereizdavalsya v 1947-1948 gg.); Reprintnoe izdanie: – M., 1995; – M., 2000. [EHlektronnyj resurs]. – Regime to access: <http://ushdict.narod.ru/>.
11. Feshchenko V.V., Koval' O.V. Sotvorenije znaka. Ocherki po lingvoehstetike i semiotike iskusstva [Semiotics of art: essays in linguistic aesthetics and semiotics of art]. – M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2014. – 640 p.
12. Shichanina Yu.V. Osnovnye tendencii informacionnoj antropologii [The main trends of information anthropology] // Spektr antropologicheskikh uchenij. Vyp. 3 [Tekst] Ros. akad. nauk, In-t filosofii; Otv. Red. P.S. Gurevich. – M.: IFRAN, 2010. – pp.114 – 130.
13. EHnciklopedicheskij slovar' Brokgauza i Efrona (1890-1907) [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary (1890-1907)]. [EHlektronnyj resurs]. – Regime to access: https://ru.wikisource.org/wiki/EHnciklopedicheskij_slovar'_Brokgauza_i_Efrona.
14. Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka : v 4 [Etymological dictionary of the Russian language: in 4 volumes] / avt.-sost. M. Fasmer; per. s nem. i dop. chl. kor. AN SSSR O.

N. Trubachyova, pod red. i s predisl. prof. B. A. Larina [V. I]. – Izd. 2-e, ster. – M.: Progress, 1986–1987.

Л.Богатая. Информопластика: потенциал нового терминологического конструкта

*В статье предлагается к рассмотрению новый терминологический конструкт – **информопластика**. С целью прояснения возможностей нового термина исследуется семантическая история слова пластика и словообразовательный потенциал термина информация. Вводятся представления об информопластических возможностях новых терминологических конструктов. Терминологический конструкт информопластика рассматривается как лингвогибрид, эффективный при исследованиях поэтической рациональности, терминологической инноватики.*

Делается вывод о том, что появление нового термина информопластика стимулирует формирование новой категориальной сетки. В эту сетку могут быть включены такие категориальные понятия как: информация, пластика, информопластика, информер, поэтическая рациональность.

*При этом **пластика** толкуется как искусство обнаружения внешнего Закона, Закона жизни целого, Закона эстетик становления. Подчеркивается, что искусство пластики доступно эстетически одаренному человечеству, всесторонне (многомерно) осваивающему мир в согласии со внутренне обнаруживаемым Законом. В статье предлагается к рассмотрению новое толкование термина информер. Информер – это одновременно коллективный и индивидуальный субъект, носитель коллективной и индивидуальной этики, осваивающий возможности поэтической рациональности.*

Формулируется заключение, что в контексте отмеченного новое звучание могут обрести уже отрефлексированные в рамках других подходов представления об информационное поле, ноосфере, пневмосфере, информосфере, семантическом континууме, аутопоэзисе и многое другое.

Ключевые слова: пластика, информация, информопластика, информер, поэтическая рациональность, терминологическая инноватика, информопластические конструкты

Л.Богата. Інформопластика: потенціал нового термінологічного конструкту

*У статті пропонується до розгляду новий термінологічний конструкт – **інформопластика**. З метою прояснення можливостей нового терміну досліджується семантична історія слова пластика і словотворчий потенціал терміну інформація. Вводяться уявлення про інформопластичні можливості нових термінологічних конструктів. Термінологічний конструкт информопластика розглядається як лінгвогібрид, ефективний при дослідженнях поетичної раціональності, термінологічної інноватики.*

Робиться висновок про те, що поява нового терміну информопластика стимулює формування нової категоріальної сітки. У цю сітку можуть бути включені такі категоріальні поняття як: інформація, пластика, информопластика, информер, поетична раціональність.

При цьому пластика тлумачиться як мистецтво виявлення зовнішнього Закону, Закону життя цілого, Закону естетик становлення. Підкреслюється, що мистецтво пластики доступне естетично обдарованому людству, яке усебічно (багатовимірно) освоює світ у згоді з внутрішнім Законом. У статті пропонується до розгляду нове тлумачення терміну информер. Інформер – це одночас колективний та індивідуальний суб'єкт, носій колективної і індивідуальної етики, що освоює можливості поетичної раціональності.

Формулюється висновок про те, що в контексті відміченого нового звучання можуть набуті вже відрефлексовані у межах інших підходів уявлення про інформаційне

поле, ноосферу, пневматосферу, інформосферу, семантичний континуум, аутопоезіс і багато що інше.

Ключові слова: *пластика, інформація, інформопластика, інформер, поетична раціональність, термінологічна інноватика, інформопластичні конструкти*

L.Bogataya. Informoplastic: the potential of the new terminological construct

A new terminological construct - informoplastic proposed for consideration in this article. In order to clarify the features of the new term is investigated semantic history of word plastics and word-formation potential of term the information. The idea of the informoplastic' possibilities of new terminological constructs is introduced in this article. The terminological construct of informoplastic regarded as a linguistic hybrid, effective in studies of poetic rationality, terminological innovation.

The conclusion is that the emergence of a new term – informoplastic stimulates the formation of a new categorial network. Categorial concepts - information, plastic, informoplastic, «informer», poetic rationality included in this network.

The plastic is interpreted as the art of detection of the external Law, the Law of the whole of life, the law of becoming an esthetician. The article stresses that plastic art is available aesthetically gifted mankind comprehensively to master the world in accordance with internally finds a Law. The new interpretation of the term «informer» is available in the article. «Informer» - is both a collective and an individual person, the carrier collective and individual ethics, mastering possibilities poetic rationality.

Formulated the conclusion that in the context of the marked new meaning may find the idea of an information field, noosphere, pnevmatosfere, informosfere, semantic continuum, autopoiesis and more. These ideas were reflected upon in the framework of other approaches.

Keywords: *plastic, information, informplastic, «informer», poetic rationality, terminological innovations, informplastic constructs*